

Первая мировая война оказалась не похожей ни на что из испытанного людьми прежде. «Люди – крошечные, земля громадная... Довольно маленького клочка земли, опушки леса, одной полянки, чтобы уложить сотни трупов людских и лошадиных», – писал Александр Блок. Мировой эта война была и по своим поистине всемирным последствиям. Первыми из них стали события в России 1917 года, а другие породили Вторую мировую войну. И как всегда, прикрыв мир своими жертвами, в проигрыше оказалась Россия: жизнь её солдат никак не ценилась....

Россия в той войне подписанными ею договорами была поставлена в унижительное положение и оказалась вынуждена за всё рассчитываться людскими жизнями, которые ни в какие экономические расчёты не входили. Уступка царского правительства французским требованиям погубила многих солдат Экспедиционного корпуса. Гибли они в Индийском океане по дороге во Францию, гибли на французском фронте, в лагере Ля-Куртин, в африканской ссылке, на островах Средиземного моря.

«Разве не странно, что каждый пулемёт, каждое орудие, проданное нам Францией и разбитое, может быть, в первом же бою, остаётся навсегда долговой статьёй на плечах России, а любой из её погибших или искалеченных сынов – молодой и полный сил работник, который мог бы прожить ещё 30–40 лет и представлял бы поэтому крупную экономическую ценность, – исчезает навсегда во взаимных учётах, словно бы жалкий трудовой нуль, бесконечно менее ценный какого-то орудия или пулемёта?» – писал Андрей Снесарев в статье «Послевоенные расчёты держав Антанты» (1926). В декабре 1924 года после установле-

ния дипломатических отношений с Францией была создана Комиссия по вопросам франко-русских отношений, материалы которой с 1891 года вошли в сборник «Кто должник?», вышедший небольшим тиражом в Москве (Авиаиздательство, 1926 г.). Сборник этот был призван «подготовить общественное мнение за рубежом в нашу пользу», но, к сожалению, эти материалы забыты сегодня и в России, о чём свидетельствует то, что бывший премьер «демократической России» Виктор Черномырдин взвалил все долговые требования Франции на плечи российского народа. Как и 90 лет назад, так и сегодня, нынешние правительства не стали лучше тех, о чём свидетельствовал А.А. Игнатъев, бывший в то время военным агентом во Франции: «Посылка наших войск во Францию оказалась, конечно, политической ошибкой, но совершена она была не французским и не русским командованием, а теми парижскими политиками, которые, не продумывая достаточно вопросов, принимают упрощённые решения за гениальные» («50 лет в строю»).

Русские защитники Франции

Я каждый год бываю в своём родном городе Острогжске. В один из моих приездов Иван Константинович Черкасов, мой друг, показал мне пожелтевший старый фотоальбом типографского издания «Путь 1-й особой бригады в фотографиях». На одной из фотографий альбома был изображён родной брат его матери Землянский Филипп Иванович, примеряющий стальную каску (стр. 86). Я заинтересовался и ещё успел поговорить с мамой Черкасова Ксенией Ивановной, урождённой Землянской. Она поведала мне о своём старшем брате Филиппе (1893–1969 гг.), защищавшим Францию «от врагов германских» в годы Первой мировой войны.

Ещё жива дочь Филиппа Ивановича – Анна 1924 года рождения: «Он был хорошим хозяином-крестьянином», – говорит она. Одних из солдат экспедиционного корпуса, котором посчастливилось вернуться на родину, тянуло к земле, станку. Другие пошли по военной линии, как Малиновский Родион Яковлевич, который дослужился до маршала, был министром обороны СССР и оставил книгу воспоминаний о тех днях «Солдаты России» (Москва, Воениздат, 1978 год), где подробно рассказывает о буднях солдат во Франции 1916 – 20 годах. Сам маршал в те годы тянул солдатскую лямку в 1-й бригаде Экспедиционного корпуса, во 2-м полку, который формировался в Самаре. Об этом полке рассказывает и П. Ка-

реев в книге «Экспедиционный корпус» (Куйбышевское изд., 1957 г. – ныне Самара): «В конце декабря 1915 г. в нашей части (Кузнецк) и в 148-м запасном батальоне, который также был расположен в Кузнецке, произвели отбор солдат в особые войска. Из гарнизона, насчитывающего около 30 тысяч человек, отобрали 260 рядовых и унтер-офицеров. Все эти люди были рослые, крепкие, красивые, грамотные. Особое внимание обращалось на вероисповедание: кроме православных никого не принимали, несмотря на все физические достоинства». А вот воспоминания М. Егерев² связаны с 1-м особым полком, который формировался в Москве и был отправлен, как и 2-й особый полк, (они и составили 1-ю бригаду Лохвицкого) во Францию в январе 1916-го года. Сначала по железной дороге через Сибирь и Маньчжурию, а затем пароходами в Марсель (было несколько пароходов, один из них – «Адмирал Латуш-Тревиль»). В этом полку в разведке и служил мой земляк Филипп Иванович.

При изучении документов и воспоминаний об Экспедиционном корпусе во Франции я нигде не встретил упоминаний о фотоальбоме, где запечатлён путь 1-й особой бригады из России во Францию, хотя словесные описания во многом созвучны с фото. «2 февраля 1916 года полк (2-й) двинулся на станцию. На станции солдат ожидал состав товарных вагонов-теплушек. Поезд отошёл вечером. Полк разместился в 4-х эшелонах, следовавших один за другим, и с небольшим промежутком...», – вспоминал Кареев. М. Егерев пишет: «За два месяца морского пути пришлось испытать немало трудностей – непривычная тропическая жара, плохое питание, умывались и стирали бельё морской водой, стеснённые условия – всё это пагубно отражалось на здоровье русских солдат, и почти в каждом порту высаживали на берег больных солдат... В первой половине апреля 1916 года бригада прибыла в Марсель. С винтовками на плечах, в летней форме, русские солдаты лихо промаршировали по его улицам. Французские буржуа захлёбывались от радости при виде молодых и здоровых парней, присланных царским правительством в обмен на вооружение и займы, а солдаты говорили: “Нас показывают французам, как товар”. К сожалению, этот товар – жизни русских солдат – так и не был принят в расчёт при дележе добычи, а Россия осталась вечной должницей».

Офицеры особых бригад в большинстве своём принадлежали к наиболее реакционным слоям офицерского корпуса царской ар-

² М. Егерев, «Русские солдаты во Франции». «Военно-исторический журнал» № 9 – 1959 г.

мии. При отправке эшелонов, состоящих из товарных теплушек, опасались солдатских волнений: не все с охотой ехали умирать за далёкую и неведомую «Хранцию». Их благородия успокаивали солдат тем, что через 3 – 4 месяца, пока они будут находиться в пути, война закончится. Но для многих этот путь стал последним, а для других, как моему земляку, – растянулся на пять лет тяжёлой военной жизни, памятью о которой стал только фотоальбом и страх перед будущим. Пришлось хватить лиха на чужбине: и немецкими газами травили, и на изнурительных работах в африканских каменоломнях пришлось потрудиться....

Подлинность фотоальбома не вызывает сомнения, хотя его фотографии и отображают только светлые стороны жизни бригады, всё лихо осталось за кадром. А вот каким путём попал этот уникальный альбом к Филиппу Ивановичу, уже не узнать. Он берёт его, как реликвию, особенно не распространяясь о нём, и завещал детям. Я предполагаю, что он был им награждён за какую-то успешную разведку, и дорог был ему, потому что на одной из фотографий запечатлён и он сам

Отбор в Экспедиционный корпус

Отбор в этот Экспедиционный корпус, состоящий из четырёх бригад, был очень строгим. При отборе командование учитывало общий уровень развития, преданность строю и царю. Мой земляк был зачислен в 1-й особый полк, который формировался в Москве. Полк состоял в основном из молодых, физически сильных солдат, бывших рабочих и зажиточных крестьян, проживающих главным образом в центральных губерниях России. Солдат 1-го особого полка одели во всё новое, обмундирование подогнали по росту, словом, одели по-парадному. Царское правительство хотело показать товар лицом.

Как Филиппа Ивановича зачислили в этот полк, мне рассказывала его сестра Ксения Ивановна: «Семья нашего отца Землянского Ивана Яковлевича действительно была уважаемой в округе. Мы пели в церковном хоре. О нашей семье запросили из губернии в волость, а потом вызвали отца в Губернию. Там его известили, что решено его сына направить во Францию, как достойного представителя России. Нужно его согласие. Отец почесал в затылке и сказал: “Ехать во Францию – это не в Воронеж. Но раз его посылает туда правительство, значит, сын туда и поедет!”. Согласился и сам Филипп, ещё не зная, чем это обернётся».

О строгости отбора в корпус вспоминают и авторы, прошедшие это горнило. Все отобранные молодцы были в возрасте от 20 до 30 лет. Так сказать, цвет нации.

И повезли этих молодцов через Сибирь и Маньчжурию в порт Дальний, где уже стояли французские пароходы, в их числе «Ла-туш Тревиль», на который и попал Землянский Филипп Иванович. Путь до Марселя пролегал по маршруту Дальневосточные моря – Индийский океан – Суэцкий канал, а затем Средиземным морем до порта Марсель на юге Франции. Во время перехода пароходы заходили в порты Гонконг, Сайгон, Сингапур, Джибути (Африка), Порт-Саид – так что весь мир увидел русских солдат, а они мир. Но они ещё не представляли, какие выпадут им испытания при защите чужой родины. Многие сгинут там без следа.

В чужой стране

Уже более 200 лет во Франции спорят о всеобщей воинской повинности, которая неизменно остаётся неприкосновенной. Но служить в горячих точках, воевать за морями французы «доверяют» добровольцам – легионерам. В той первой мировой войне умирать за Францию «доверили» русским (В 1915 г. 400 тысяч русских солдат были направлены во Францию в обмен на недостающие в русской армии вооружения и боеприпасы – по данным А. Игнатьева – В. К.).

Один пример того, как союзники использовали русских солдат, из воспоминаний М. Егерова: «На всю жизнь запомнилась мне картина боя. Перед нашим полком находилась сильно укрепленная немецкая позиция с тридцатью рядами колючей проволоки, прикрывавшей три линии немецких окопов. Первая цепь наступавших была почти полностью уничтожена огнём немецких батарей. Но, несмотря на огромные потери, мы овладели деревней Курси, захватили богатые трофеи и взяли в плен несколько сот немецких солдат и офицеров. Немцам не удалось своими контратаками оттеснить нас с захваченных позиций».

В боях за сильно укрепленный форт Бримон в апреле 1917 года обе бригады (1 и 3-я) принимали участие в общем наступлении союзников на Западном фронте между Реймсом и Суассоном. Русские, не поддержанные французскими силами, понесли большие потери. Всего за четыре дня боёв русские бригады потеряли около 6 000 человек.

Сравните эти потери с потерями союзников, и вы поймёте, во что слащавые и падкие на похвалы и обещания союзники ставили и ставят сегодня жизнь русского солдата.

Русские бригады Лохвицкого, Марушевского, Дидерихса, Леонтьева и другие русские части входили в состав французских армий и корпусов и никаким общим русским командованием объединены не были. Поэтому все просчёты и потери русских войск лежат на совести французов. Но кто об этом помнит сегодня?

В 1920 – 30-е гг. прошлого столетия в России ещё пытались осмыслить итоги Первой мировой войны, в частности, несправедливых долгов и расчётов. Потом всё это заслонили новые «долги» во Второй мировой войне, которые мы продолжаем выплачивать.

Ещё в 1920-е годы прошлого столетия, русский учёный – геополитик – военный Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937 гг.), оценивая итоги Первой мировой войны, писал: «...чтобы предупредить большинство возражений, нами был проведён принцип возможного упрощения и обобщения данных наряду с правилом неизменного СНИЖЕНИЯ ЦИФР. Мы защищаем только самое существо вопроса, которое сводится к следующему: Россия в итоге мировой войны (только Первой) на ниве человеческих жертв понесла гораздо более, чем её союзницы, и потеряла из-за этого неизмеримо большее количество ценностей, определяемых с экономической точки зрения 40 миллиардами рублей. Эта сумма не только не может исчезнуть по сравнению со всеми типами довоенных и послевоенных обязательств России, но и должна доминировать над ними. Не получив и не получая за эту потерю никакого экономического эквивалента, Россия, значит, в МИРОВОМ СОЮЗНИЧЕСКОМ ДЕЛЕ в итоге оказывается обойдённой и ограбленной».

Возвращение домой

Немногие из Экспедиционного русского корпуса во Франции осуществили эту мечту.

Сведения о Февральской революции 1917-го года в России вызвали брожения среди личного состава бригад. В связи с происходящими в России событиями у большинства солдат корпуса начала созревать мысль о необходимости возвращения на Родину. Это решение укрепилось после Октябрьской революции. Французское правительство всеми силами препятствовало этому. С помощью контрреволюционно настроенных русских офицеров солдаты корпуса были разделены на три категории. Сол-

дат, отнесённых к 1-й категории, военные власти намеревались использовать в боях на французском фронте; отнесённых ко 2-й категории – на работах в тылу; основная масса отказывалась идти на фронт и работы, и была отнесена к 3-й категории – ссылалась в Африку на каторжные работы.

В июне 1917 г. 1 и 3-я русские особые бригады были сведены в дивизию под командованием генерала Н.А. Лохвицкого и размещены во французском лагере Ля-Куртин. Но это уже не было монолитное воинское соединение. Под руководством солдатских комитетов более решительно стали требовать от командования вернуть их на родину, чтобы стать на защиту Отчизны, а не чужих интересов. Дивизию хотели снова бросить в наступление против немцев, чтобы потопить в крови революционные настроения русских войск, но не получилось.

Тогда в Африку было отправлено 5 тысяч русских солдат. Их высадили в Алжире, Тунисе, Бизерте и других портах. В Алжире, например, солдат отправили в городок Медиа в Атласских горах, где был расположен концентрационный лагерь. Подобные лагеря были и в других местах. Русских солдат содержали в ужасных условиях, заставляя работать на изнурительных работах. Их пугали тем, что они больше не увидят России и погибнут в африканских песках. Всё было направлено на то, чтобы поставить русских солдат в безвыходное положение и заставить сражаться на французском фронте. Многие не выносили тяжёлых условий и погибали от истощения и болезней. Некоторым удалось бежать и добраться до России.

Лишь весной 1919 года, когда на Западном фронте прекратились боевые действия; оставшихся русских солдат начали свозить в морские порты африканского побережья. Всех собрал один пароход. Солдаты не знали, куда их везут. Только в августе, когда пароход из Африки бросил якорь на рейде Стамбула, солдаты поняли, что их возвращают на Родину. Одновременно с пароходом из Африки на стамбульский рейд прибыл другой пароход из Франции с русскими солдатами, которые использовались на тыловых работах в метрополии. Во Францию уходили караваны судов с русскими солдатами, остатки возвращались всего на двух небольших пароходах.

В Стамбуле столкнулись два течения того смутного времени: из России – и в Россию. Вот как вспоминал об этом участник тех событий М. Егерев: «В Стамбуле мы впервые увидели белогвардейцев, бежавших из России. Как только пришвартовались пароходы

с русскими солдатами, к ним устремились на лодках белогвардейцы, чтобы обменять царские и керенские бумажные деньги на франки. Однако очень немногие солдаты принимали эти предложения, а если принимали, то только для того, чтобы сохранить названные денежные знаки на память. У солдат, ехавших из Африки, за редким исключением, ни франков, ни других денег не было».

Те, кто длительное время жил на чужбине, говорят, что тоска по Родине – самое болезненное чувство. Для русских солдат Экспедиционного корпуса во Франции это чувство было самым тяжёлым испытанием. Знать о Гражданской войне в России, и ничем не помочь родным. Тяжело. Именно Гражданская война заставила белых генералов вспомнить о русских солдатах, разбросанных по разным местам Франции и её африканским колониям. Думая пополнить солдатами Экспедиционного корпуса белые армии, генералы просчитались. Вернувшиеся солдаты тут же стали на позиции рабочих и крестьян. Мой земляк предпочёл винтовке плуг и стал работать на земле, пытаясь забыть «французскую жизнь».

Эпилог

Многие высказывания известных русских генералов, относительно политики Франции по отношению к России, образно подытожил А.М. Зайончковский (1862–1926 гг.), русский военный историк: «По довоенным документам, Россия представляла страховое общество, которому Франция платила премию, чтобы застраховать себя от гибели в борьбе с Германией».

Франция не погибла и получила свою страховку сполна в виде германских репараций, Эльзас-Лотарингии и новых колоний в Африке и на Ближнем Востоке, но этого ей показалось мало: она потребовала назад страховой взнос.

Когда-то, после революции, чудовищное отношение Антанты к своей бывшей союзнице России некоторые западные гуманисты объясняли тем, что Запад не считает большевистское правительство правопреемником царского или Временного правительств. Развязывание «холодной войны» против державы, практически в одиночку сломившей мощнейшую гитлеровскую военную машину, гуманисты оправдывали «коммунистической угрозой». Но вот в апреле 1985 г. к власти в СССР пришли силы, разделявшие «гуманистические, западные идеалы». Что же наши новые друзья? Они сделали всё, чтобы в декабре 1991-го СССР перестал существовать. Может быть, они смягчились по отношению к России?

Ничуть не бывало: они потребовали от неё принять на себя обязательства и по долгам советского правительства, и, как видим, по долгам царского. Нужно иметь особенно жестокое сердце и низменный интеллект, чтобы требовать долги с народа, три раза за два столетия спасшего Европу.

Излишняя жадность не раз приводила французов, «эту, может быть, самую талантливую нацию мира», – по словам Ивана Солоневича, – к катастрофе: в 1789 году, в 1812-м, в 1871-м и в 1940-м, когда бывший в Первую мировую войну ефрейтором Гитлер заставил их капитулировать в том самом Компьенском лесу, и в том самом, доставленном из музея штабном вагоне, в котором сами французы в 1918 году диктовали условия, поставленной на колени Германии... Тогда Россию обошли – обходят и сегодня.

Московская область, пос . Купавна